

БОРИС ЧУЛКОВ

МАТЕРИНСКИЙ ЗДЕСЬ ЧУДИТСЯ ВЗГЛЯД...

* * *

По рябиновой улице детства
я сегодня иду не спеша:
драгоценную чару наследства
по глотку отпивает душа.

Здравствуй, улица, где уже осень!..
Материнский здесь чудится взгляд...
Сколько веских уроков выносим
из пронзительных бед и утрат!

Под немыслимым ветром судьбины
переедем в иные концы,—
но и там вас помянем, рябины,
близ которых жилали отцы.

Как же сердцу с щемящею нотой
не припомнить трепещущий сад,
что осенней сквозной позолотой
осиян, опрозрачен, объят!

ОБНОВЛЕНИЕ

Тремя окошками на юг...

Ю. Леднев

Давным-давно уж взялся я впервые
за это: посадил картошку, лук...
Глядит изба в просторы ветровые
пятью окошками на юг.

Как покупал — не разглядел малины,
что перед домом издавна растет...
Глядит изба на лес за луговиной
пятью окошками вперед.

В лесах не счесть иных пахучих ягод,
грибы под осень тянутся к руке...
Глядит изба — убежище от тягот —
пятью окошками к реке.

Я с местным подружился населеньем,
собрал плоды — награду за труды...
Глядит изба вперед — как обновление,
как избавленье от беды!

1987

Каждый камень кричит, что тобой дорожить
с каждым часом я должен все боле;
каждый камень примером мне хочет служить
одиночества, мрака и боли.

Каждый камень вещает о доле камней,
о тоске их, что будет близка мне,
если станешь ты каменной камня ко мне,
коль остынешь ты каменной камня...

Букет на окне умоляет уставшее лето,
вернее — его закликает помедлить в пути.
Букет на окне — он подарит и сотню сюжетов,
но главный — вот этот: «Помедли, постой, погоди!»

Букет на окне — он красуется, словно на поле,
как если бы в землю корнями он врос на лугу.
Но молит он лето: «Не вянуть нет сил моих боле!
Помедли! Я свой аромат сохранить не могу!»

Букет на окне закликает последние ночи
вернуться к июньской иль майской былой белизне,
как будто не видит, что каменней, жестче, жесточе
полуденный зной и теней глубина при луне...

БАТЮШКОВ

Не любил родного языка,
говорил, что сей язык — калека.
А писал на нем,— и сквозь века
будоражит душу человека.

Итальянский, мол, певуч и люб,
а российский — варварский, ей-Богу.
Почему ж тогда слетала с губ
наша речь — светла и неубога?

Ослепление? Блеск иных светил?
Плюнем на заскоки и причуды!
...Кто-то ТАМ его переводил.
Но прочтем — куда девалось чудо?

МУЗЕЙ-УСАДЬБА ЧЕХОВА

Пейзаж с прозрачным маем и листвою,
к которой еще только привыкаем,
с прудом, где прежде жили караси,
и с деревянной церковкой несгнившей.

Со школою пейзаж, с ее ландкартой,
с пространным огородом пред усадьбой,
пейзаж — с пейзажами на стенах в доме,
с портретами хозяев и гостей.

Пейзаж, где бродят тени по земле,
естественно рождаемые солнцем,
и тени в этих комнатах пустых —
незримые — живых ушедших тени...

МОЛИТВА

Коль труба призовет нас для Судного дня,—
Ты, Создатель, помилуй меня.

Сатаню расставлена здесь западня,—
О, Зиждитель, помилуй меня.

Оступался я, веру в Тебя не храня.
Но — прости и помилуй меня.

Был к кому-то жесток я и тверже кремня.
Но, Творец, Ты помилуй меня.

Сколько тех, кто ко мне был свирепей огня!..
Их помилуй — взамену меня.

Ту же, что я любил до последнего дня,
Ты прости — больше всех и меня!